

Критическія замѣчанія на книгу проф. В. И. Мищенко: „Рѣчи св. Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“. (Дѣян. 1—5 гл.).

(Продолженіе).

г) Небольшая главка (стр. 239—353), посвященная рѣчамъ Ап. Петра объ Ананіи и Сапфирѣ (Дѣян. 5, 1—11), вуждается въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Авторъ говоритъ: „за свой тяжкій грѣхъ Ананія и Сапфира были поражены моментальной смертью“ (стр. 239),— „вина согрѣшившихъ была столь тяжка и опасна, что эти гнилые члены требовали немедленнаго отсѣченія; такое отсѣченіе въ отношеніи къ нимъ являлось лишь естественнымъ слѣдствіемъ состоянія ихъ (гнилое отрѣзается или само отваливается),—это была „чудесная кара“ (стр. 246),—„если слова Ап. Петра Сапфирѣ: *се, ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ, и изнесутъ тя*—дѣйствительно имѣють характеръ смертнаго приговора, то это Апостоль могъ сказать уже потому, что раньше видѣлъ пораженіе Ананія, и по одинаковости вины, предвидѣлъ тотъ же конецъ Сапфиры“ (стр. 248).

Но нельзя оставить безъ вниманія, что текстъ не содержитъ никакихъ ближайшихъ указаній на „казнь, кару, смертный приговоръ“. Дѣписатель говоритъ только: „Ананія, слыша (настоящее время) слова эти, упалъ (буквально: упавъ) и испустилъ духъ“,—и „упала тутъ же Сапфира къ ногамъ его и испустила духъ“. За словами Апостола слѣдовала немедленная смерть обоихъ супруговъ,—и только. Но была ли эта смерть „карою“ или „смертнымъ приговоромъ“,—объ этомъ Дѣписатель настойчиво въ обоихъ случаяхъ умалчиваетъ.

Затѣмъ: соотвѣтствуетъ ли эта „кара“ духу христіанскаго ученія?—Въ евангеліи Луки (*πρότος λόγος* Луки) содержится

разскажъ, что Господь на запрещеніе учениковъ одному чело-вѣку, не слѣдовавшему съ учениками за Христомъ (полу-вѣра—не полная вѣра) изгонять бѣсовъ именемъ Его, ска-залъ: „не запрещайте,—ибо кто не противъ насъ, (тотъ) за насъ“ (9, 49—50 ср. Марк. 9, 40). Вслѣдъ за тѣмъ въ еван-гелии Луки повѣствуется, что на предложеніе Іакова и Іоанна низвести огонь съ неба и истребить непринявшее Христа Самарянское селеніе („Господи, хочешь, скажемъ огню ни-зойти съ неба и истребить ихъ“),—Господь „запретилъ имъ“,—къ этимъ словамъ во многихъ древнихъ текстахъ,—именно: унциал. кодд. во главѣ съ знамен. D, Итал. больш. Вульг. Копт. Сир. курет. пеш. геракл. (но син. и іерус. не имѣютъ) Эѳіоп. Гот. Дид. Эпиф. Злат. Амвр.,—имѣются такія слова: „не знаете, какого духа (есте) вы“,—и кромѣ того въ мн. унц. Итал. Сир. кур. пеш. и геракл. (но син. не имѣетъ) Арм. Гот. Кипр.—прибавлено: „ибо Сынъ Человѣческой не пришелъ души (жизнь) человѣческія погубить (вар. убить). но спасти“. Подобное же Лук. 19, 10 и Матѳ. 18, 11 по D. и мн. унц. Итал. больш. Вульг. Сир. (кромѣ Син.) Злат. и др. Въ евангелии Луки имѣется также крестная молитва Христа за Своихъ распинателей: „Отче, отпусти имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ!“ (Лук. 23, 34,—больш., но нѣк. не чит.). Ср. Матѳ. 18, 22, Лук. 17, 3, I Тим. I, 15. Отсюда видно, какого духа или направленія держалось нравственное первохри-стіанское сознаніе по отношенію къ великимъ грѣшникамъ. То же доказываютъ и примѣры: обращеніе Ап. Петра съ Си-мономъ волхвомъ, коего грѣхъ аналогиченъ грѣху Ананіи и Сапфиры и коему оставлена жизнь и возможность покая-нія (Дѣян. 8, 18—24), и отношеніе Ап. Павла къ Корине-скому кровосмѣснику (I Кор. 5, 5—7).

Указаніе автора (стр. 246) на то, что „содержаніе христіан-ской религіи не можетъ быть исчерпано одной идеей любви, на ряду съ любовью въ христіанствѣ выступаетъ и правда Божія“ не имѣетъ приложенія къ данному случаю. Правда Божія конечно не можетъ стоять въ противорѣчій съ требо-ваніями Божественной любви, и наоборотъ. Но въ данномъ случаѣ предметъ разсматривается и съ точки зрѣнія Боже-ственной Правды, не хотящей смерти грѣшника.

Также и ссылка на Апокалипсисъ 21, 8, 27 и 22, 15 (по- чему только эти мѣста? Развѣ въ Новомъ Завѣтѣ мало дру-

гихъ подобныхъ же мѣсть?!) не соотвѣтствуетъ цѣли. Рѣчь не о будущемъ судѣ, а о судѣ надъ человѣкомъ въ настоящей жизни.

Аналогія съ Іудою предателемъ (сатана „вошелъ въ него“ и: „исполнилъ сердце“ Ананіи) доказываетъ противное. Іуда и послѣ вхожденія въ него сатаны „раскаившись (*μεταμεληθεὶς*), возвратилъ тридцать сребренниковъ архереямъ и старѣйшинамъ, говоря: согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную,—и, бросивъ сребренники въ храмъ, удалился и отошедъ удавился“ (Матѣ. 27, 3—5). Господь не наказуетъ Іуду смертью, самъ предатель совершаетъ самоказнь надъ собою.

Затѣмъ „чудесную кару“ Ананіи и Сапфиры „за тяжкіи грѣхъ“ нашъ авторъ старается объяснить пользою для тогдашней христіанской общины и для послѣдующей церкви. „Наконецъ, говоритъ авторъ, грѣхъ Ананіи могъ имѣть важное общественное и историческое значеніе. Правда, трудно допустить, чтобы Ананія рѣшился на свой поступокъ, съ цѣлью именно испытать Духа Святаго, дѣйствовавшаго чрезъ Апостоловъ, и узнать, можетъ ли Онъ открыть тайныя дѣянія или нѣтъ. Но нельзя также не замѣтить, что Апостоль съ особенною мыслию выставляетъ на видъ то, что Ананія солгалъ Духу Святому и что на дѣлѣ у него вышло такое именно испытаніе Духа. Если такое и не было прямою цѣлью поступка Ананіи, то оно было бы необходимымъ слѣдствіемъ его. Самъ Ананія усомнился бы во всевѣдѣніи и Божественномъ характерѣ Духа, обитавшаго въ Апостолахъ. А чѣмъ могло бы грозить все это только что начавшемуся дѣлу проповѣди Христовой?“ (стр. 251).

Но, во-1-хъ, „чудесная кара“ грѣшника не за „прямую цѣль поступка“, а за „необходимое слѣдствіе его“ не соотвѣтствуетъ Правдѣ-Любви Божіей. Во-2-хъ, всѣ эти послѣдствія какъ для Ананіи съ Сапфирою, такъ и для послѣдующихъ всѣхъ христіанъ устраивались тѣмъ, что Духъ Святыи открылъ тайну грѣшниковъ Ап. Петру и такимъ образомъ Своимъ всевѣдѣніемъ явилъ Себя Богомъ-Сердцевѣдцемъ всѣхъ (Дѣян. 1, 24,—15, 8).

Испытаніе и ложь Ананіи и Сапфиры по отношенію къ Святому Духу-Богу заключались не въ нежеланіи ихъ обмануть Святого Духа-Бога, а въ томъ, что они ошибочно считали нравственно допустимыми поблажку своей страсти мамоно-

служенія и сокрытіе отъ апостоловъ части денегъ за проданное имѣніе. Они очевидно руководились столь обычнымъ всегда и вездѣ началомъ совмѣщенія служить Богу и мамонѣ (Лук. 16—1—16,—Матѣ. 6, 24). Но мы знаемъ, что къ подобной же страсти богача Господь отнесся съ любовью и снисхожденіемъ: „Иисусъ же, воззрѣвъ на него, возлюбилъ его и сказалъ ему“ и пр. (Марк. 10, 21, ср. ст. 22—27 ср. Лук. 18, 18—30,—Матѣ. 19, 21—26).

Неумѣренно поддаваясь вліянію комментаріевъ, не обращающихъ вниманіе на выраженія *φειδομαι τὸ πνεῦμα τὸ ἄγιον* и *οὐκ ἐφείσω ἀνθρώποις ἀλλὰ τῷ θεῷ*, авторъ не смогъ ultra commentarios sapere и тѣмъ лишилъ себя возможности выйти изъ затрудненій при толкованіи этого мѣста. Что Ананія не думалъ лгать предъ Богомъ, а только предъ людьми, это очевидно изъ словъ Ап. Петра: „не людямъ солгалъ ты, но Богу“. Затѣмъ, въ данномъ мѣстѣ, какъ и вездѣ въ Новомъ Завѣтѣ, *φειδομαι* употребляется только въ среднемъ залогѣ, слѣдовательно не въ смыслѣ *обманывать кого, вводить въ заблужденіе*—съ прямымъ дополненіемъ или винит. объекта,—но въ субъективномъ съ отгѣнкомъ: *лгать предъ кѣмъ-либо въ отношеніи къ кому-либо*,—при чемъ на первомъ планѣ представляется субъективная ложь,—по отношенію къ самому себѣ, а не объективныя ея слѣдствія—по отношенію къ другому. Поэтому во второмъ мѣстѣ стоитъ дательный: не людямъ, предъ людьми солгалъ ты, но Богу, предъ Богомъ. А въ первомъ мѣстѣ винительный при среднемъ съ отгѣнкомъ винительнаго отношенія: солгалъ предъ Духомъ Святымъ, по отношенію къ Духу Святому. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ самъ Ананія обманулся и солгалъ предъ Духомъ Святымъ-Богомъ, думая безгрѣшно утаить у себя часть мамоны неправды, отдавъ большее апостоламъ и Богу.—Дѣло, значитъ, въ простомъ и обычномъ совѣстительствѣ служенія Богу и мамонѣ.

Остается вопросъ: не былъ ли поступокъ Ананіи и Сапфиры „хулою на Духа“, непросительною ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Лук. 12, 10,—Матѣ. 12, 31—32,—Марк. 3, 28—30)? Но авторъ почему-то не ставитъ этого вопроса прямо. Въ евангельскомъ контекстѣ совершенно ясно, въ чемъ заключается грѣхъ хулы на Духа Святаго. Въ томъ, „что говорили, что духа нечистаго Онъ имѣеть“ (Марк. 3,

30),—дѣло доброе и Божіе усвоили началу злomu и Веельзевулу,—иначе: добро называли зломъ, а зло добромъ. Полный аморализмъ, когда не различаютъ правды и кривды, добра и зла, лжи и истины. Въ Ананіи и Сапфирѣ мы не видимъ такого состоянія; они—христіане, пребывающіе въ церкви,—они большую половину цѣны добровольно отдають Апостоламъ,—Ап. Петръ не обличаетъ ихъ не только въ хулѣ на Духа Святого, но даже и въ невѣрїи, а только *во лжи* и намѣренїи *солгать предъ людьми*—апостолами.

Все ведетъ къ мысли, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не *казнь*, или *кару*, воздаяніе, отмщеніе (*ἐξδίκησις ἀδικησάντων*, и под. Рим. 12, 9, изъ Второз. 32, 35), а *наказаніе*, наставленіе, наученіе (*παιδεία*, Евр. 12, 5—6), назначаемое Богомъ и тѣмъ, кого Онъ любитъ (изъ Притч. 3, 11). Конечно, сама по себѣ смерть есть *оброкъ грѣха* (Рим. 6, 23). Но, кромѣ этого оброка, мгновенная и неожиданная смерть четы, пытавшей слабость къ мамонѣ неправды, послужила Промыслу средствомъ къ наставленію, что забота о тѣлѣ не можетъ прибавить ни одного локтя къ возрасту человѣка (Лук. 12, 35, Матѣ. 6, 27). Въ исторїи Ананїи и Сапфиры дано фактическое и часто встрѣчающееся въ жизни подтвержденіе той непреложной и очевидной истины, что высказана Господомъ приточно въ евангелїи Луки,—именно въ словахъ къ приточному богачу: „неразумець! эту ночь душу (жизнь) твою потребуютъ отъ тебя, а что заготовилъ, кому будетъ (останется)“? (Лук. 12, 20).

Все это автору необходимо было имѣть въ виду при толкованїи рѣчей Ап. Петра къ Ананїи и Сапфирѣ.

Наконецъ, и въ отношенїи древне-христіанской литературы справка автора по данному вопросу оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ пожеланїямъ. Не всѣ экзегеты указаны, а изъ указанныхъ не все приведено по подлинникамъ. А это надобно было въ виду важности предмета.

Мы такъ долго остановились на этой главкѣ книги профес. Мищенко потому, что исторїей Ананїи и Сапфиры многіе злоупотребляютъ для доказательства того, что Новый Завѣтъ яко бы допускаетъ или одобряетъ смертную казнь. Между тѣмъ, даже принимая мгновенную смерть Ананїи и Сапфиры за *казнь* или „чудесную кару“, совершеніе такой кары все же здѣсь усвоится не Ап. Петру, а Самому Богу,—такимъ об-

разомъ она явно изъемлется изъ области человѣческаго дѣйствования въ сферу сверхъестественно-божественную.

д) Изреченіе Ап. Петра въ Дѣян. 10, 34—35 (стр. 288—289) „не лицепримецъ Богъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и дѣлающій правду пріятель Ему“ въ идейно-богословскомъ отношеніи имѣеть существенную важность тѣмъ, что стоитъ въ связи съ вопросомъ о спасеніи тѣхъ народовъ или язычниковъ, кои жили послѣ пришествія Спасителя, имѣли душу—„христіанку по природѣ“ боялись и „чтили Невѣдомаго для нихъ Христіанскаго Бога“ (Дѣян. 17, 23), однакожь не знали Христа Спасителя и въ церковь Его земную не вошли именно потому, что не слышали евангельской проповѣди и потому не могли увѣровать въ Спасителя (Римл. 10, 13—21). Авторъ приводитъ прекрасныя слова Златоуста: „Если достоинъ (язычникъ богобоязненный), то *будетъ* „пріятель“, такъ что сподобится вѣры. Но что, скажутъ, думать о людяхъ богобоязненныхъ и между тѣмъ оставленныхъ въ презрѣніи? Нѣтъ, ни одинъ богобоязненный не оставляется въ пренебреженіи. Не можетъ, никогда не можетъ быть пренебреженъ кто либо изъ такихъ людей“. Но этимъ цитатомъ естественно ставится вопросъ: если правда-любовь Божія не можетъ допустить пренебреженія въ дѣлѣ спасенія богобоязненными людьми, какому бы народу и какой бы странѣ они ни принадлежали, то когда же и какъ это осуществится по отношенію къ язычникамъ, кои боялись и чтили Невѣдомаго Бога христіанскаго, но умерли, не увѣровавъ въ Него, не благовѣствованные о Немъ и не войдя въ Церковь Его?

Имѣются и спеціально экзегетическія трудности при сравненіи этого мѣста съ другими. Въ 1 Тим. 4, 10 сказано: „надѣмся на Бога Живаго, Который есть Спаситель всѣхъ (точнѣе: *всякихъ*) людей, преимущественно вѣрныхъ“—*идеиота πιστων*—преимущественно, особенно, а не исключительно предъ *вѣрными* Богъ есть Спаситель *всякихъ* людей—*πιστων αδελφων*. Въ Римл. 11, 26: „весь Израиль спасется“,—не Евреи какого либо одного города или одной страны, но весь Израиль“, конечно „истинный“ (Іоан. 1, 48) и достойный и богобоязненный—во всей цѣлокупности народной, какъ „народъ избранный“, Матѣ. 11, 21—27, Лук. 10, 11—14: если бы въ Тиръ и Сидонъ были (совершились, явлены) силы

бывшія у (среди) васъ (въ Харазинѣ и Виосайдѣ), давно бы во вретисѣ и пеплѣ покаялись они,—впрочемъ говорю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ (*ἔσται*) въ день суда, чѣмъ вамъ... Если бы въ Содомѣ были силы, бывшія у тебя (въ Капернаумѣ), остался бы до сегодня,—впрочемъ говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣе будетъ въ день суда, чѣмъ тебѣ“. *Ἐὶ ἐγένοντο, ἐγενήθησαν* (*εἰ* съ истор. вр.)—*ἔν μεταστροφήσιν* и *ἔμεινεν* (истор. съ *ἔν*) означаетъ предположеніе, въ дѣйствительности не осуществившееся, но могшее осуществиться при данномъ условіи. А *ἔσται*—буд. указываетъ на осуществимое въ будущемъ явленіи. Такимъ образомъ Тирь, Сидонъ и Содомъ могли покаяться, но не покаялись только потому, что въ нихъ не было Христа Спасителя съ явленіемъ Свснхъ божественныхъ силъ—въ ученіи и чудесныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ Правда-Любовь Божія не допускаетъ тутъ никакого пренебреженія или нерадѣнія.

Все это *принудительно* ставитъ вопросъ по отношенію къ новозавѣтнымъ, богобоязненнымъ и христіански настроеннымъ, язычникамъ о возможности для нихъ вѣры во Христа и приобщенія къ Его церкви, какъ таковую возможность Правда-Любовь Божія дала ветхозавѣтнымъ богобоязненнымъ людямъ при сошествіи Спасителя въ адъ.

Но авторъ не признаетъ этой принудительности и избѣгаетъ, точнѣе—бѣжить отъ этой темы, удѣливъ на нее только около двухъ страничекъ (288—289). А между тѣмъ она была бы весьма благодарна и сама по себѣ и въ отношеніи разработки ея въ патристической литературѣ.

е) Наконецъ еще одно мѣсто съ важнымъ идейно-богословскимъ содержаніемъ, хотя и подробно изъясняется авторомъ, но экзегесъ этотъ вызываетъ серьезныя недоумѣнія,—именно 3, 19—21 (стр. 173—191).

Грамматически и логически мѣсто это явно расчленяется на двѣ половины. Первая: „итакъ покайтесь и обратитесь къ изглаженію вашихъ грѣховъ, чтобы пришли (да придуть) времена отрады отъ лица Господа и (чтобы) послалъ (да пошлетъ) Онъ предназначеннаго вамъ Христа (Мессію)—Помазанника Иисуса (Спасителя) „ὅπως ἔν ἔλθωσιν καὶ ἀποστείλῃ. Вторая: Котораго небо должно (δεῖ настоящее—небу подобаетъ, падлежитъ) принять (прош. аористъ — δεξασθαι) до времени устройства (ἀποκαταστήσεως) всего, что изрекъ Богъ

чрезъ уста святыхъ отъ вѣка (искони, издревле, изначала) Его пророковъ“.

Первую половину авторъ относитъ ко второму, будущему пришествію Христа, а вторую — къ первому и къ церкви земной.

Надо наоборотъ.

Въ первой половинѣ авторъ не достаточно проникъ въ филологическую и историческую стороны дѣла. Какъ общеизвѣстно, евреи тогдашніе напряженно ожидали скорого явленія Мессіи—Гоола и Менахема—Избавителя и Утѣшителя. Признаки близости этого пришествія Мессіи были на лицо (Иродъ, мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ и др.). Являлся вопросъ: почему же медлитъ пришествіе Мессіи? На этотъ вопросъ тогдашніе богословы іудейскіе отвѣчали: это зависитъ отъ покаянія, коего наличность должна уско-рять, а отсутствіе — замедлять пришествіе утѣхи Израилевой—Мессіи. Теперь: Ап. Петръ говоритъ еще неувѣровавшимъ іудеямъ: „покайтесь, чтобы пришли времена отрады отъ лица Господа (Мессіанскія) и чтобы послалъ онъ предназначеннаго вамъ Мессію — Спасителя — Христа Іисуса“. Рѣчь очевидно о такомъ пришествіи, что обусловливалось субъективнымъ состояніемъ слушателей и стояло въ зависимости отъ ихъ покаянія и вѣры.

Ту же мысль даетъ и филологія. Авторъ, неизвѣстно зачѣмъ, ссылается на Blass'a (стр. 178), не дающаго ровно ничего для толкованія этого мѣста. Полезнѣе для автора было бы слѣдующее замѣчаніе у Winer-Litnemann'a (S. 42. 6. S. 290—291): „цѣлевая частица *ὅπως* съ *ἵνα* означаетъ намѣреніе, относительно коего остается еще сомнѣніе, можетъ ли оно быть достигнуто,—или коего достиженіе мыслится зависимымъ отъ обстоятельствъ, какъ *ut sit, si sit,—ut, si fieri possit, ut forte*. Въ Новомъ Завѣтѣ сюда можно отнести два мѣста: Дѣян. 3, 19: *ὅπως ἵνα ἐλθῶσι καιροὶ ἐπιστροφῆς* *ut forte (si meae admonitioni μετανοήσατε καὶ ἐπιστρέψατε) paenitentis) veniant tempora set u* Лук. 2, 35.“ Естественно ли допустить, чтобы Ап. Петръ могъ имѣть какое-либо сомнѣніе въ наступленіи временъ отрады и во второмъ пришествіи предназначеннаго Христа Іисуса (Мессіи — Спасителя), — или чтобы это наступленіе предназначенныхъ временъ отрады и второе пришествіе Христа онъ мыслилъ достижимымъ въ зависи-

мости отъ покаянія слушавшихъ его іудеевъ и вообще отъ людей? Выразительныя *ἀπὸ προσώπου τοῦ κυρίου* и *προεχειρομένου* не устраняютъ ли всякую мысль о зависимости этого отъ людей, а не отъ одного только Бога?

Тоже получается и изъ контекста рѣчи и исторической обстановки ея. Вѣдь Апостоль говоритъ еще не вѣрующимъ во Христа іудеямъ. Для нихъ еще не было и перваго пришествія Спасителя—Мессіи. Естественнo ли было бы для апостола направлять мысли и сердца слушателей ко второму будущему пришествію Господа, когда они не знали и о первомъ, бывшемъ, Его явленіи?

Наконецъ, толкованіе автора встрѣчается и съ теологическимъ затрудненіемъ. Какъ первое, такъ и второе пришествіе предназначеннаго предвѣчнымъ Совѣтомъ Божиимъ Спасителя есть дѣло божественнаго домостроенія о спасеніи міра и человѣка, и это дѣло совершается исторически по предвѣчному плану, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ. Какъ первое явленіе Спасителя было „когда пришла полнота времени“ (Гал. 4, 4), независимо отъ покаянія и готовности Израиля,—когда Израиль не только не принялъ, но даже убилъ Его (Іоан. 1, 11,—Матѣ. 21, 38): такъ и второе пришествіе должно совершиться послѣ планомѣрнаго и законосообразнаго процесса исторической эволюціи христіанства, отъ горчичнаго зерна до всемірнаго дерева (Матѣ. 13, 31 и парал.), когда вмѣстѣ съ плевелами созрѣетъ и пшеница для жатвы (Матѣ. 13, 24 дал. и ср. Лук. 21, 24), исполнятся времена или сроки народовъ (*καιροὶ ἐθνῶν*—Лук. 21, 24), этихъ „дичковъ“, привившихся къ „стволу и соку маслины“, на мѣсто „отломившихся природныхъ ея вѣтвей“, кои снова должны привиться къ своей маслинѣ, такъ какъ „ослѣпленіе Израиля—отчасти, доколѣ полнота язычниковъ войдетъ и такъ весь израиль спасется“ (Римл. 11 гл.),—когда „придетъ отступленіе, откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, сопротивникъ и превозносящійся надъ всемъ, называемымъ богомъ,—отнимется „удерживающее“ и „удерживающій“, „явится беззаконникъ, коего убьетъ Господь духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего“ (2 Тесс. 2, 1—12),—„потомъ—конецъ, когда послѣдній врагъ истребится смертью и Сынъ подчинится Подчинившему Ему все, да будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15 гл.). Спраши-

вается: есть ли въ этой планомѣрно-исторической концепции мѣсто такому, совершенно частному и субъективному, условію, какъ покаяніе слушавшихъ проповѣдь Ап. Петра евреевъ? Напротивъ, второе пришествіе совершится независимо даже отъ того, „найдеть ли, пришедши, Сынъ Человѣческой вѣры на землѣ“ (Лк. 18, 8).

Такимъ образомъ все даетъ намъ видѣть, что „покаяніе іудеевъ“, какъ совершенно *субъективное* условіе, должно относиться къ такому же *субъективному* явленію. Рѣчь очевидно о пришествіи временъ отрады и посланіи Христа Іисуса *чрезъ вѣру и для вѣрующахъ*. Это—тѣ времена отрады, когда долженъ былъ придти Шило-примиритель и Утѣшитель народовъ, чаянье и утѣха Израиля, Менохемъ—Цараклитъ (названіе Мессіи и у іудейскихъ богослововъ), Коего законы суть вождельные идеалы—блаженства, Коего иго благое и бремя легкое для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, у Кого они находятъ покой душамъ своимъ.—Кто возвѣщаль Своимъ послѣдователямъ радость и веселіе въ виду предстоящей награды на небесахъ и сообщалъ имъ эту радость въ болѣзняхъ, обидахъ, притѣсненіяхъ, гоненіяхъ за Него. Это-то пришествіе Христа и Его царства, о которомъ Господь повелѣлъ молиться: „да прійдетъ царство Твое“,—то царство, что не приходитъ видимымъ образомъ, но внутри вѣрующаго, и которое Господь словами пророка называетъ „лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ“, когда нищимъ Онъ возвѣщаетъ благовѣстіе, плѣннымъ проповѣдуетъ отпущеніе, слѣпымъ прозрѣніе, сокрушенныхъ отпускаетъ на свободу“ (Лук. 4, 18—21),—хромые ходять, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ (Матѹ. 11, 5—6; Лук. 7, 22). Объ этомъ пришествіи Господь говоритъ: „если кто любитъ Меня (то) слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему *придемъ и пребываніе (обитель) у него сотворимъ*“ (Іоан. 14, 23). Эти времена отрады и посланіе Іисуса Христа неразрывно соединены съ *пришествіемъ Духа—Утѣшителя*. Объ этомъ пришествіи Ап. Павелъ говоритъ: „Правда (что) отъ вѣры такъ говорить: не говори въ сердцѣ твоёмъ: кто взойдетъ на небо? то есть Христа низвести,—или: кто сойдетъ въ бездну?—то есть Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что говорить: близъ тебя слово есть въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, то есть

слово вѣры, что проповѣдуемъ. Потому что если исповѣдуешь слово въ устахъ твоихъ, что Господь (есть) Исусъ, и увѣруешь въ сердцѣ твоемъ, что Богъ Его воскресилъ изъ мертвыхъ, (то) спасешься, ибо сердцемъ вѣруется (вѣрують) въ правду, устами же исповѣдуется (исповѣдуютъ) во спасеніе“ (Римл. 10, 6—10).

Съ особеннымъ стараніемъ авторъ выставляетъ на видъ, что по догматическому православному богословію, земная церковь есть „воинствующая“, а не покоящаяся. Однакожъ нѣтъ никакихъ основаній понимать терминъ *ἀνταρξίς* въ смыслѣ „абсолютнаго покоя“, полного отсутствія всякой борьбы и самодѣятельности (ср. 2 Тим. 1, 16—въ нравственномъ смыслѣ). Но самая эта борьба радостна и сладостна для вѣрующихъ христіанъ непреложною вѣрою въ полную побѣду и надежду на будущее блаженство. Этою вѣрою и надеждою всегда радовались и радуются вѣрные подвижники Христовы, увѣренные въ неотвратимой побѣдѣ, когда главные враги—смерть, адъ и діаволь, побѣжденные уже Спасителемъ Христомъ, окончательно будутъ упразднены отъ своихъ злыхъ вліяній и дѣйствій на вѣрующихъ христіанъ,—зная, что за „добрый подвигъ“ имъ предстоятъ отъ „Праведнаго Судіи“ „вѣнцы правды“.

Напротивъ, вторая половина толкуемаго мѣста, примѣняемая авторомъ къ настоящему земному царству Христову, должна быть отнесена къ будущему вѣку. Уже и самъ по себѣ психологически весьма естественнымъ представляется переходъ отъ мысли о первомъ пришествіи Христа къ мысли о второмъ пришествіи, а не наоборотъ, какъ думаетъ авторъ. Насколько страннымъ было бы для Ап. Петра невѣрующимъ еще въ первое пришествіе Христова слушателямъ его говорить прямо о второмъ пришествіи Спасителя,—настолько понятною является, послѣ сообщенія о первомъ и уже бывшемъ пришествіи Христа, рѣчь Апостола о пребываніи Спасителя на небѣ одесную Бога Отца, до временъ устроенія всего, что издавна говорилъ Богъ чрезъ своихъ пророковъ.

Затѣмъ. Выраженіе „*ὅτι θεὸς οὐρανὸν μὲν δεξασθεῖς ἀπὸ τῶν ἀποστόλων πάντων ὄντων*—представляетъ переходъ именно отъ прошедшаго къ будущему. Его, Христа Исуса (Помазанника—Мессію и Спасителя), небо должно (θεὸς—наст. время, не въ прошедшемъ только, но и въ настоящемъ и въ буду-

шемъ) принять (и удержать—*δέξασθαι*—Принятаго въ прошломъ, послѣ вознесенія, держать) до (будущихъ) временъ устроенія всего, что говорилъ Богъ... Такимъ образомъ это выраженіе служить явнымъ и естественнымъ переходомъ отъ прошедшаго (перваго, уже бывшаго, пришествія, окончившагося тѣмъ, что небо приняло воскресшаго и вознесшагося Спасителя) къ будущему (второму пришествію Спасителя для окончательнаго устроенія всего предопредѣленнаго Предвѣчнымъ Совѣтомъ Бога).

Наконецъ и самый терминъ *ἀποκατάστασις* имѣетъ явно эсхатологическій смыслъ. Множ. *χρόνων* не исключаетъ этого смысла, ибо и „будущій вѣкъ“ апокатастасиса не есть моментъ времени, а періодъ, когда должны послѣдовать: воскресеніе мертвыхъ, второе пришествіе Сына Божія и всеобщій судъ. Очевидную параллель этому мѣсту представляетъ 1 Кор. 15, 23—28 ср. Дѣян. 10, 40, 42; 1 Петр. 1, 35 (также сначала говоритъ о первомъ, а потомъ о второмъ пришествіи). Мысль апостоловъ объ апокастасисѣ въ земной церкви Господь прямо отклоняетъ въ Дѣян. 1, 6 (*ἀποκαθιστάσεις*). Эсхатологическій смыслъ термина открывается также изъ Матѳ. 17, 10—11: *Ἰησούς μὲν ἔρχεται καὶ ἀποκαταστήσει πάντας*, I, XX Малах. 4, 4 сл.: *ἀποκαταστήσει καρδίαν πατρὸς πρὸς υἱὸν*... ср. Weber. *Iud. Theologie*, 2-te Aufl. § 77 и 89, 8.

ж) На стр. 57—60 доказывается, что „Духъ Святой въ день Пятидесятницы сошелъ только на приближеннѣйшихъ послѣдователей Христовыхъ“, т. е. только на 12 апостоловъ. Основаніемъ для автора служатъ церковно-богослужебныя книги и церковно-иконографическія памятники. Но изученіе этихъ источниковъ еще далеко не полно въ настоящее время. Самъ авторъ изслѣдованіемъ ихъ не занимался и не указалъ, какого вѣка и происхожденія тѣ памятники, какіе онъ имѣетъ въ виду. Вообще этотъ источникъ въ настоящее время еще не поставленъ на такую твердо научную почву, чтобы на основаніи его рѣшать вопросы первохристіанства. Между тѣмъ автору рѣшительно противостоитъ авторитетъ Златоуста. Также и контекстъ ни мало не благопріятствуетъ толкованію проф. Мищенко. Выраженія: *ἦσαν πάντες ὁμοῦ ἐπὶ τὸ αὐτό—ὄφθησαν αὐτοῖς γλώσσαι πυρός—ἐκάλισεν(σαν) ἐφ' ἑνὲ ἐκάστων—ἐπλήσθησαν πάντες πνεύματος ἁγίου καὶ ἤρξαντο λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις* (2, 1—5) съ двукратнымъ *πάντες*—стоятъ въ

явной связи съ непосредственно предшествующимъ разсказомъ объ избраніи Матеѳа посредѣ братій (*ἐν μέσῳ τῶν ἀδελφῶν*); которыхъ было собрано около 120 человѣкъ (1, 15). Авторъ произвольно относитъ эти *πάντες* не къ ближайшему, а къ дальнѣйшему I, 13—14, гдѣ перечислены имена одиннадцати апостоловъ. Но и объ этихъ одиннадцати сказано, что они всѣ пребывали единодушно въ молитвѣ (слѣдовательно вмѣстѣ) вмѣстѣ „съ женщинами и Марією Матерью Іисуса и съ братьями Его“ (I, 14). Такимъ образомъ и здѣсь разумѣются не одни апостолы. Противъ автора говорятъ также слова пророчества: *ἐπὶ πάντων ἁγίων καὶ θουατέρων υἱόν*. Авторъ ссылается во 1-хъ на 2, 7: „не всѣ ли эти говорящіе суть Галилеяне“ (2, 7). Но вѣдь и Матерь Господа и братья Его и другія, упоминаемая въ Евангеліи, женщины были изъ Галилеи. Почему же не считать и всѣхъ 120 человѣкъ галилеянами? И откуда автору извѣстно, что въ числѣ этихъ 120 были и іудеяне или самаряне? Во 2-хъ, по 2, 14: „ставъ же Петръ съ одиннадцатью, возвысилъ гласъ свой и воскликнулъ имъ... *они не пьяны*“. Но это означаетъ только то, что Петръ съ одиннадцатью, какъ главенствовавшіе въ собраніи, выступили впередъ, но нимало не указываетъ на то, чтобы никого въ собраніи, кромѣ этихъ одиннадцати, не было, или чтобы на нихъ не сходилъ Духъ Святой, и они не говорили языками.

Если авторъ руководится каноническими соображеніями о церковной іерархіи, то не долженъ забывать, что глоссолалія и наитіе Святого Духа въ Дѣянїяхъ и у Ап. Павла являются удѣломъ не однихъ іерархическихъ лицъ: Дѣян. 8, 39,—10, 44—48,—19, 1—7,—1 Кор. 12—14 гл. Наконецъ, если въ день 50-цы Духъ Святой сошелъ только на двѣнадцать апостоловъ, то когда же сошелъ Духъ на остальныхъ 108 человѣкъ? Вопросъ этотъ неизбеженъ въ виду того, что Дѣписатель видимо придаетъ важное значеніе полученію Святого Духа вѣрующими,—онъ часто и выразительно отмѣчаетъ это. Объ этихъ остальныхъ изъ 120 должно бы остаться въ неизвѣстности, получили ли они даже крещеніе (ср. 2, 41—42). Почему Дѣписатель умалчиваетъ о нихъ, между тѣмъ какъ о другихъ онъ находитъ нужнымъ выразительно сообщать это?

3) Сюда же, наконецъ, можемъ отнести слѣдующія частности:

На стр. 23, 114 и 173 недостаточно уяснены понятія: символа, типа и пророчества,—пророчественно-символическое значеніе какъ всего израильскаго народа въ его органической цѣлокупности, такъ и въ отдѣльныхъ представителяхъ,—психика пророческаго состоянія въ отношеніи къ объективному дѣйствию Святаго Духа на пророка и субъективному воспріятію и отраженію этого дѣйствія со стороны пророка и пр.

На стр. 296—297 къ Дѣян. 18, 41: *οσφραγίζουσιν καὶ οὐρεπίουεν αὐτῷ μετὰ τὸ ἐκαστῆραι αὐτὸν ἐκ νεφῶν* нѣтъ никакихъ поясненій къ состоянію тѣла Воскресшаго Спасителя, хотя онѣ какъ бы запрашивались сами собою. Авторъ съ явною преднамѣренностью бѣжитъ и отъ этого идейно-богословскаго вопроса.

Всѣ эти, въ иныхъ случаяхъ можетъ быть и нѣсколько придирчивыя, требованія мы предъявляемъ къ труду проф. Мищенко по *идеальной и объективно-научной мѣркѣ*,—съ точки зрѣнія: *чего нѣтъ въ книгѣ*. Но такую пробу едва ли могутъ выдерживать и многія изъ самыхъ выдающихся твореній человѣческихъ. Вѣдь область желаній такъ велика, а человѣческія силы такъ малы, что мѣрка эта имѣетъ значеніе болѣе для *характеристики*, чѣмъ для *критики* произведеній обыкновеннаго ума человѣческаго.

Если же отъ того, *чего нѣтъ въ книгѣ* проф. Мищенко, обратиться къ тому, *что есть въ ней*, то мы должны будемъ дать о ней самый одобрительный отзывъ, какъ о трудѣ прекрасномъ, коего главный недостатокъ состоитъ только въ томъ, что онъ былъ бы еще болѣе превосходнымъ, если бы къ нему нельзя было предъявить нашихъ придирчивыхъ требованій.

Разсматриваемая же съ положительной своей стороны, книга проф. Мищенко имѣетъ слѣдующія достоинства:

1) Пользуясь превосходными пособиями иностранныхъ авторовъ, главнымъ образомъ Мейеръ-Вендта, Кнабенбауера и Фельтена, стоящихъ въ полномъ курсѣ современной европейской науки богословской,—и совмѣстно руководясь какъ великими церковными авторитетами, такъ и общими началами православія,—авторъ далъ, хотя и нѣсколько неполное и одностороннее, но прекрасное и въ общемъ правильное

толкованіе на взятый имъ отдѣлъ книги Дѣяній Апостольскихъ, если по своимъ научнымъ основамъ и частнымъ изслѣдованіямъ и не вездѣ, то по своимъ конечнымъ сужденіямъ и общимъ воззрѣніямъ всегда, стоящее на строго научной и въ то же время вездѣ вполнѣ православной почвѣ.

2) Русскіе читатели богословскихъ трудовъ, даже „дипломные“, мало любопытства имѣютъ къ кабинетной страдѣ ученыхъ тружениковъ по разработкѣ научной почвы для извѣстныхъ темъ. Да въ огромномъ большинствѣ и не обладаютъ достаточною для сего подготовкою. А если и обладаетъ кто, то не имѣетъ возможности, вдали отъ библиотечныхъ хранилищъ богословской науки, войти въ поле этихъ работъ и самостоятельно въ нихъ разобраться при чтеніи ученыхъ сочиненій. Благодаря такому положенію научнаго дѣла въ Россіи, хорошимъ языкомъ изложенныя, отъ научнаго балласта свободныя и изслѣдовательнымъ аппаратомъ не снабженныя, научно-богословскія книги для русскихъ читателей настоящаго времени болѣе могутъ быть полезными, чѣмъ многоэтажные и разноязычные справочники и экскурсы въ узко спеціальные вопросы и изысканія. Кажется, одинъ уже видъ такихъ книгъ вызываетъ превеликое отвращеніе у русскаго читателя. А какъ русская богословская наука доселѣ не заняла самостоятельнаго мѣста въ европейской научно-богословской литературѣ и игнорируется ею, то и писать такія книги въ настоящее время будетъ безцѣльною тратою пера, чернилъ и бумаги (исключенія конечно исключаются).

3) Но собственно для русскихъ читателей и для русской научно-богословской литературы книга проф. Мищенко представляетъ весьма солидную цѣнность по строгой выдержанности церковно-православнаго духа,—по основательности и убѣдительности разсужденій,—по сосредоточенности и отчетливости въ обработкѣ обширнаго и разносторонняго историко-эксегетическаго матеріала и по краткости, ясности и почти идеальной чистотѣ русскаго языка. Эти качества книги проф. Мищенко тѣмъ большаго заслуживаютъ сочувствія, что они являются, можно сказать, исключеніемъ въ русскихъ богословскихъ работахъ послѣдняго времени.

4) При основательности и правильности большинства тол-

кованій автора, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особаго указанія, какъ превосходные образцы истиннаго научно-православнаго экзегеса. Таковы:

Дѣян. 1, 13 стр. 11: ἀπέβησαν εἰς τὸ ὑπερώϊον οὗ ἦσαν καταμένοντες—„горница была мѣстомъ временнаго жительства Апостоловъ въ Иерусалимѣ“.

Дѣян. 1, 15 стр. 17—18: „не можемъ не замѣтить, что разсматриваемый случай, какъ онъ изложенъ у св. Луки, не даетъ рѣшительно никакого повода предполагать какія бы то ни было начальническія прерогативы Ап. Петра“. „Смотри, говоритъ I. Златоустъ, какъ Петръ все дѣлаетъ съ общаго согласія и не распоряжается ничѣмъ самовольно и какъ начальникъ“. Въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь Дѣписатель усволяетъ Ап. Петру преимущественно предъ прочими Апостолами? Самое большое, если скажемъ,—иниціативу. Петръ выступаетъ только съ предложеніемъ избрать Апостола“, да и это предложеніе онъ высказываетъ не отъ своего лица, но во исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Все же осуществленіе предложеннаго Петромъ предоставляется цѣлому собранію: постановили, помолились и дали имъ жребіи всѣ присутствовавшіе“. Противъ папистическихъ тенденцій и въ пользу православія. Въ такомъ же смыслѣ авторъ говоритъ и о предсѣдательствѣ на Апостольскомъ Соборѣ, допуская, „что собраніе отличалось сравнительной простотой, и предсѣдательствованія въ собственномъ, полномочномъ смыслѣ могло и не быть“ (стр. 327).

Дѣян. 2, 1 сл. стр. 60 сл. общее рѣшеніе труднаго вопроса о глассолаліи чрезъ соединеніе экстаза съ рѣчью на чужихъ языкахъ.

Дѣян. 2, 26 стр. 96: общее различіе между терминами: *δυνάμεις*—силы, *σημεῖα*—знаменія и *τέρατα*—чудеса, но къ сожалѣнію только общее,—весьма было бы желательно болѣе подробное раскрытіе этихъ важныхъ терминовъ, со стороны какъ экзегетической такъ и, особенно, идейно-богословской.

Ibid. стр. 98: *θέλημα* и *βουλή τοῦ θεοῦ*, хотя опять слишкомъ общее, безъ экзегетико-богословскихъ разъясненій.

Дѣян. 3, 13 стр. 160 дал. разъясненія термина „*πίσις τοῦ θεοῦ*—отрокъ Божій“,—3, 19 стр. 174—*τὸ ἐξαλειφθῆναι τὰς ἀμαρτίας*,—изглажденіе грѣховъ,—ibid. стр. 175 *ἀνάψυξις*,—3, 25—26 стр. 200 сл., 4, 7 стр. 211—212: указаніе на юридическую точ-

ность въ передачѣ фактовъ Лукою, хотя автору полезно бы было здѣсь привести указаніе Мураторіева фрагмента на св. Луку, какъ на *juris studiosum*,—стр. 220, прим. 1,—стр. 232—233, — изъясненіе упоминанія о блудѣ въ Дѣян. 15, 20. 29 стр. 320 сл.

Многочисленныя улучшенія и поправки русско-славянскаго текста и перевода, особенно стр. 21, 24, 38, 40, 95, 161.

Вездѣ основательная критика отрицательныхъ возрѣній и вполне научная апологія подлинности и исторической достовѣрности какъ событій, такъ и рѣчей, составляющихъ предметъ изслѣдованія автора. Сюда же надо отнести разсужденія автора объ источникахъ толкуемыхъ имъ отдѣловъ книги Дѣяній Апостольскихъ.

Превосходны очерки общаго характера и общаго плана толкуемыхъ авторомъ рѣчей Ап. Петра: стр. 20—21. 76. 93—95, 153—154, 213. 231. 288. 299 и 326.

А также тонкіе психологическіе анализы рѣчей на стр. 91, 122, 214, 259, и въ заключительной трактатіи объ особенностяхъ богословія и стилия рѣчей Ап. Петра: мысли Апостола о пророческомъ откровеніи (стр. 338), о связи характера Ап. Петра съ особенностями его эсхатологическихъ созерцаній (стр. 346), о страхѣ Божіемъ, какъ основномъ началѣ христіанскаго нравоученія у Ап. Петра (стр. 348) и въ общемъ весь параграфъ о стилѣ рѣчей Ап. Петра (стр. 349—353).

5) Наконецъ, при сужденіи о трудѣ проф. Мищенко необходимо принимать во вниманіе и тѣ условія, въ какихъ находятся русскіе работники богословской науки сравнительно съ западно-европейскими. Не говоримъ уже о сравнительно болѣе слабой школьной подготовкѣ въ Россіи къ этимъ трудамъ, особенно со стороны лингвистической (у насъ доселѣ, кажется, еще не признана та истина, что безъ знанія греческаго языка нельзя быть грамотнымъ христіаниномъ), которая на Западѣ болѣе чѣмъ на половину облегчается какъ знаніемъ своего родного языка, особенно въ Германіи и Англіи, гдѣ въ настоящее время преимущественно разрабатываются теологическія и вспомогательныя къ нимъ дисциплины,—такъ и удобствами скорого и легкаго изученія литературы предмета въ многочисленныхъ и обширныхъ центрахъ бібліотечныхъ и подъ руководствомъ первоклассныхъ

европейскихъ ученыхъ. Но и при возможномъ, хотя и чрезвычайно трудномъ, преодоленіи этого препятствія, противъ русскаго православнаго богослова всегда стоитъ болѣе серьезная напасть со стороны многочисленныхъ, по русскому обычаю не своимъ дѣломъ занимающихся, научно малограмотныхъ или и совсѣмъ безграмотныхъ грамотѣевъ, благодаря своему невѣжеству воображающихъ себя правомочными судьями въ дѣлахъ научнаго богословія, способными давать здѣсь тонъ и дѣлать обличенія. Низкій уровень общаго и, въ особенности, богословскаго образованія въ Россіи, при численно подавляющемъ превосходствѣ начетчиковъ-грамотѣевъ, вызываетъ то истинно прискорбное явленіе, что у насъ эти богословскіе знахари, обычно безъ кропотливой и самоотверженной учености,—воображаютъ себя на высотѣ учителей богословія, призванными наставлять, критиковать, писать всевозможныя рецензіи и даже книги по богословскимъ предметамъ. Поэтому каждый новый въ Россіи истинно-научный трудъ по Богословію вообще, а по Новому Завѣту въ особенности, справедливо привѣтствовать не только какъ явленіе весьма полезное, могущее поддержать высокій уровень церковно-православнаго научнаго богословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить и несоизмѣримое превосходство православія надъ расколомъ и сектантствомъ,—но и какъ событіе чрезвычайно рѣдкое, соединенное притомъ для автора съ немалымъ самоотверженіемъ и всегдашнимъ рискомъ всевозможныхъ напастей отъ разныхъ этихъ богословскихъ знахарей. Полнаго уваженія и искренней благодарности заслуживаетъ каждый русскій богословъ, не бросающій пера, и постыдное, если не преступное, бездѣлье или же популяризаторское пустодѣлье предпочитающій тяжелому и самоотверженному, но истинному дѣлу богословской науки.

Въ виду всего вышесказаннаго и принимая также во вниманіе трудности подобныхъ работъ сравнительно съ изслѣдованіями по однимъ только русскимъ источникамъ,—достойнымъ и праведнымъ считаю увѣнчать книгу проф. Мищенко преміей Высокопр. Митрополита Макарія ¹⁾. Увѣнчаніе это

¹⁾ Статья эта, за весьма незначительными измѣненіями, представляетъ рецензію, написанную по порученію Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, для конкурса премій Митроп. Макарія.

можетъ послужить если и не къ обузданію, то хотя бы къ осужденію современной вакханаліи этихъ, никакого касательства къ наукѣ неимѣющихъ и глубоко-невѣжественныхъ, знахарей, въ послѣднее время поднявшихъ нахальную травлю противъ духовной академіи и богословской, якобы схоластической, науки, являющихся для нихъ такимъ же молчаливымъ, но невыносимымъ, обличеніемъ, какое для любителей мрака и ночи представляютъ свѣтъ и день (Іоан. 3, 19—21).

Приложеніе къ 5. е.

Въ іерусалимскомъ соборѣ, по нашему мнѣнію, надо различать три стороны:

1) *Новозавѣтно-апостольская и неповторяемая* въ исторіи Церкви, поскольку на соборѣ присутствовали и верховодили сами апостолы-самовидцы Слова, Спасителемъ самолично поставленные на апостольское служеніе и имѣвшіе исключительныя сверхъестественно-божественныя полномочія,—возможность повторенія здѣсь должна обуславливаться воздѣйствіемъ Самого Спасителя и самоличнымъ избраніемъ Имъ Себѣ Апостола или Апостоловъ, подобно (Гал. 1, 1) избранію Апостола Павла (ср. 5. а).

2) *Церковно-историческая и преходящая*, зависѣвшая отъ временныхъ и случайныхъ условій—мѣстныхъ (Іерусалимъ, Антіохія), народныхъ (палестинскіе іудеи, антїохійцы), общественно-государственныхъ (самоличное участіе на соборѣ всѣхъ членовъ іерусалимской церкви), религіозно-бытовыхъ (обрядовый вопросъ объ обрѣзаніи и Моисеевомъ законѣ),—что въ дальнѣйшей исторіи церкви проявлялось и осуществлялось въ другихъ формахъ и по другимъ вопросамъ (въроучительнымъ).

3) *Идеологическо-догматическая и вѣчная*, долженствующая служить непреложнымъ образцомъ и необходимою догмою для всѣхъ церковныхъ соборовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: это—*соборность* (каколичность) собора, непремѣнное и дѣйственное (активное) участіе въ немъ всѣхъ правомочныхъ членовъ церкви, само собою предполагается—върующихся и истинныхъ, —причемъ способъ этого участія долженъ опредѣляться конечно временно-историческими условіями собора.

(Окончаніе слѣдуетъ). М. Муретовъ.